

ОСОБЕННОСТИ РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 90-х ГОДАХ XX ВЕКА

Процессы рыночной трансформации экономики Российской Федерации имели сложный, противоречивый и многоступенчатый характер, отличаясь от постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) глубиной и продолжительностью не только экономического, но и системного кризиса.¹

Во многом он был обусловлен тем, что решения и действия реформаторов определялись скорее политико-идеологическими, нежели экономическими соображениями. Как откровенно отмечает один из апологетов гайдаровско-чубайсовских реформ И. Ковалев, главной политической задачей являлось предотвращение попыток возврата общества к исходному состоянию. Отсюда следовала установка на обеспечение «формирования класса имущих (богатых) с соответствующими экономическими структурами, способных воспрепятствовать откату назад...». Упомянутый фактор невозвратности снизил до минимума число вариантов перехода и предполагал быстроту действий. Однако быстрота преобразований неминуемо влечет утрату справедливости и разумной умеренности» [1, 311]. Естественно, все

это порождало крайне негативную реакцию в обществе.

Ситуацию обостряло практически полное отсутствие в начальный период соответствующих рычагов власти и каналов управления: «Команда Гайдара была вынуждена внедрять рыночные механизмы в условиях полного отсутствия даже соответствующих правительственных органов – налоговых, антимонопольных, таможенных... отсутствовали границы, таможи, координированные усилия стран СНГ по денежной эмиссии. Конституционная среда всячески отторгала команду реформаторов. Казна была практически пуста» [там же, 312]. Тем не менее в 1992 г. был дан старт либеральным экономическим реформам, которые базировались на применении, не всегда последовательном, жестких монетаристских методов. В период с 1992 по 1997 г. были предприняты три попытки финансовой стабилизации, которые привели к постепенному снижению инфляции [2, 691]. Однако за эти годы «экономика претерпела гигантский промышленный спад, не имеющий аналогов в мировой истории» [1, 313].

Несмотря на национальные различия и своеобразие организации хозяйственных систем, проявившиеся сходные черты макроэкономической динамики дали основание идентифицировать глубочайшие экономические потрясения в России на протяжении 90-х годов XX века как

¹ См.: Назарчук М.И. Историко-экономические аспекты формирования фондовых рынков в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы // Управление экономикой переходного периода: Сб. науч. тр. / НАН Украины.

великую депрессию и сопоставлять ее с «Великой депрессией» конца 1920-х – начала 1930-х годов в США [3, 80-81; 4, 66-67].

Хотя данные различных источников о динамике реального ВВП России в период с 1990 по 2000 г. существенно отличаются, что является следствием

различных баз сравнения, тем не менее характер всех трех кривых, приведенных на рис. 1, свидетельствует о длительном периоде «осциллирующей» (по выражению авторов работы [4]) нестабильности в экономике вплоть до конца 90-х годов прошлого века.

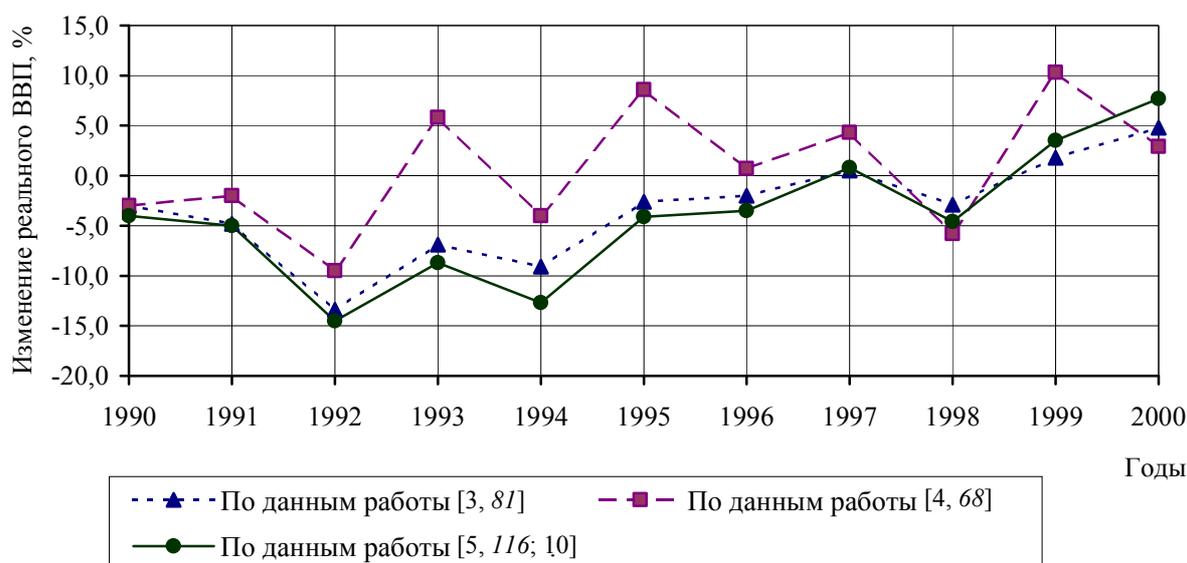


Рис. 1. Динамика реального ВВП в Российской Федерации в 1990-2000 гг., по данным различных источников

Общее падение реального ВВП составило в год дефолта в 1998 г. 39,8% по отношению к 1989 г. [5, 118]. И хотя в 1997 г. наметились тенденции к росту экономики, они были сведены на нет летним финансовым кризисом 1998 г., после которого наступил новый спад, преодоленный лишь в начале нового тысячелетия.

Необходимо отметить, что такие известные ученые-экономисты, как Е. Гайдар и А. Ослунд подвергают сомнению приведенные выше данные ЕБРР и других источников, в том числе официальных статистических органов, о глубине падения экономики в постсоциалистических странах, обосновывая свои позиции в этом вопросе искажениями в статистическом учете в советский период, наличием

теневое сектора экономики и другими факторами. Так, А. Ослунд, произведя пересмотр показателей ВВП постсоциалистических стран за период с 1989 по 1995 г., рассчитал, что в России этот показатель составил в 1995 г. по отношению к 1989 г. не 60,2, а 94%, т.е. снизился всего лишь на 6% [5, 134]. Эти коррективы трудно сопрячь с реальностью даже современной России, руководство которой глубоко озабочено возрождением машиностроительного, в частности, оборонного комплекса, составлявшего в советский период наиболее весомую часть экономики страны.

Великая депрессия оказалась крайне тяжелой для ряда важнейших отраслей промышленности. Максимальное падение промышленного производства России в

1998 г. – на пике кризиса составило 54% по сравнению с 1990 г., в машиностроении – 63%, в легкой и

пищевой промышленности соответственно 88 и 54% (рис. 2).

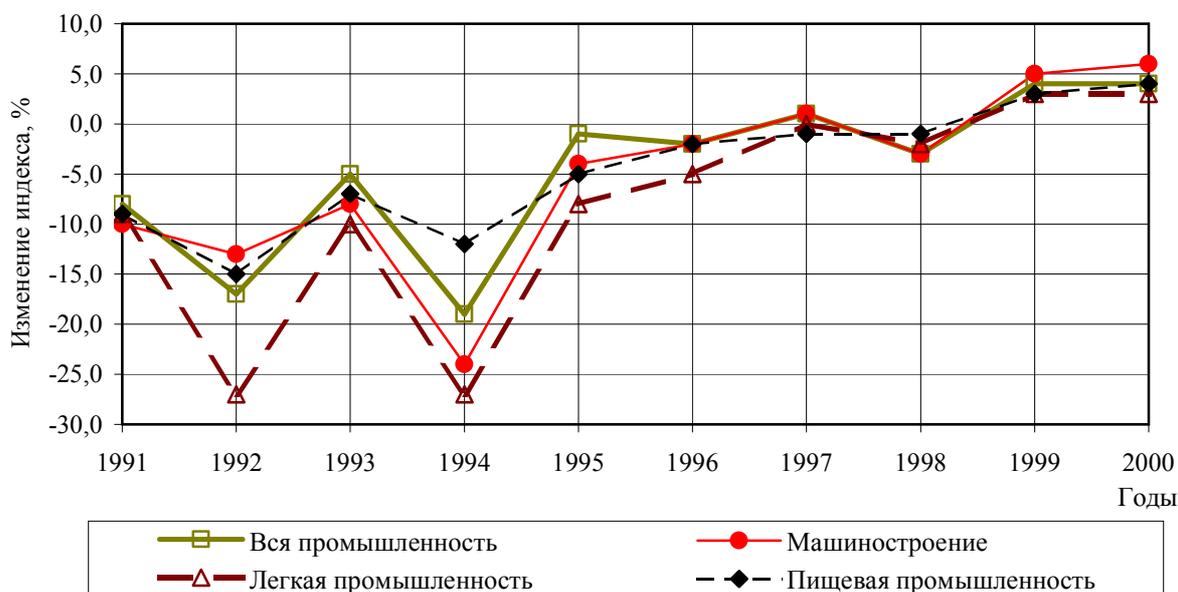


Рис.2. Динамика промышленного производства в Российской Федерации в 1991-2000 гг., по данным работы [3, 84].

Однако значительно меньше пострадали отрасли добывающей промышленности: производство в нефтедобывающей и угольной промышленности сократилось в 1998 г. на 34% по сравнению с 1990 г. В результате усилилась сырьевая ориентация российской экономики [3, 83-84].

Процессы рыночных преобразований в условиях экономического кризиса сопровождались беспрецедентно высоким уровнем инфляции, резким снижением уровня жизни значительной части населения России и ростом безработицы (табл. 1).

Таблица 1. Динамика нескольких важнейших социально-экономических показателей Российской Федерации в 1991-2000 гг.

Показатель	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Индекс потребительских цен (тарифов) на товары и услуги населению (в %, декабрь к декабрю предыдущего года; декабрь 1990=100)	260,4	2608,8	939,9	315,1	231,3	121,8	111,1	184,4	136,5	120,2
Индекс реальной начисленной зарплаты, % (1990=100)	97,0	65,3	65,6	60,4	43,5	46,3	48,5	42,0	32,8	40,0
Реальный размер назначенных месячных пенсий, % (1991=100)	-	52	68	66	53	58	55	52	32	41
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, в % к общей численности населения	-	33,5	31,5	22,4	24,7	22,1	20,8	23,4	28,7	30,2

Уровень безработицы в возрасте 15-72 лет, %	-	5,2	5,9	8,1	9,5	9,7	11,8	13,2	12,6	9,8
---	---	-----	-----	-----	-----	-----	------	------	------	-----

Таблица составлена по данным работ [3, 84, 88; 4, 69].

Так, в 1999 г., в начале периода оживления экономики, индекс потребительских цен превысил уровень первого кризисного 1990 г. примерно в 15,8 тыс. раз, реальная зарплата снизилась на 68,2%. Реальный размер месячных пенсий снизился только за один 1992 г. почти наполовину – на 48% по сравнению с 1991 г., а в 1999 г. – на 68%. Число лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума в 1992 г., когда начались реальные реформы, насчитывало почти 50 млн. человек [3, 84, 87, 88]. По степени обнищания населения Россия намного превзошла страны ЦВЕ. Несопоставимо с ними высоким явился и уровень дифференциации доходов. Их соотношение у 20% богатейших граждан и 20% беднейших составляло в России в 1996 г. 12,2 раза [6, 21].

В условиях галопирующей инфляции и использования для ее подавления монетаристских методов экономической политики, следствием чего явились низкий уровень монетизации возникающих рыночных связей, нехватка оборотного капитала у предприятий и высокая стоимость заемных финансовых ресурсов, обусловивших «кризис неплатежей», характерной чертой российской экономики, начиная с 1992 г., стал бартер [7, 55-56]. Его доля в общем объеме хозяйственных сделок непрерывно возрастала с 5,9% в среднем за 1992 г. до 51% в 1998 г. С 1999 г. удельный вес бартерных сделок начал снижаться, составив 40% в 2000 г.

[8, 60]. Особенно высокий уровень бартерных сделок отмечался в машиностроении (43% в среднем за период с 1993 по 1997 г.), металлообработке (45,2%), производстве стройматериалов (44,2%) и нефтехимии (41%) [там же, 61].

Способствуя выживанию предприятий в условиях нарастания рисков в процессе рыночных преобразований в экономике, неденежные отношения в форме бартера консервировали и обостряли многочисленные проблемы в налоговой сфере; замедляли структурную перестройку предприятий, подавляли инновационные тенденции; искажали нормальное соотношение цен, что влекло за собой некорректную оценку платежеспособности предприятий, уровня их рентабельности [там же, 65-66]. Бартерная экономика имеет принципиально неинвестиционный характер: незначительная доля финансовых потоков в сфере реального производства не позволяет осуществлять сбережения в денежной форме и рассчитывать на мультипликативные эффекты нарастания массы накоплений. Наконец, в рамках бартерной экономики представляется неразрешимой проблема объективной рыночной оценки предприятий и котировки их ценных бумаг [9, 9].

В свете изложенного наблюдается резкое снижение объемов инвестиций в основной капитал, фондоемкости ВВП и производительности труда в рассматриваемый период (табл. 2).

Таблица 2. Динамика инвестиций в основной капитал, фондоемкости ВВП и производительности труда в переходной экономике России в 1990-2000 гг. [4, 68, 72]

Показатель	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Инвестиции в основной капитал (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году	100,1	85,0	60,0	88,0	76,0	90,0	82,0	95,0	88,0	105,0	117,0
Инвестиции в основной капитал (в сопоставимых ценах), нарастающим итогом, % к 1989 г.	100,1	85,0	51,1	44,9	34,1	30,7	25,2	23,9	21,1	22,1	25,9

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Изменение фондоемкости ВВП, % к предыдущему году	103,2	89,5	70,2	96,4	87,1	93,8	84,9	94,2	92,5	99,6	108,0
Изменение фондоемкости ВВП, нарастающим итогом, % к 1989 г.	103,2	92,3	64,8	62,5	54,4	51,0	43,3	40,8	37,7	37,6	40,6
Изменение производительности труда, % к предыдущему году	97,4	96,9	87,6	94,5	92,5	96,9	98,5	105,8	98,7	99,5	106,0
Изменение производительности труда, нарастающим итогом, % к 1989 г.	97,4	94,4	82,7	78,1	72,3	70,0	69,0	73,0	72,0	71,7	76,0

Лишь в конце 90-х годов эти важнейшие показатели стали расти. По тем же причинам были не востребованы и прямые иностранные инвестиции

(ПИИ) в российскую экономику, объем которых на душу населения значительно уступал рассмотренным выше странам ЦВЕ (табл. 3).

Таблица 3. Прямые иностранные инвестиции в России в 1995-2000 гг. [10, 265]

Показатель	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Объем ПИИ в текущем году, млн. дол. США	1460	1665	4036	1734	746	2000
Общий объем ПИИ нарастающим итогом на текущий год, млн. дол. США	2163	3828	7864	9528	10344	12344
ПИИ на душу населения, дол. США	14,7	26,0	53,6	64,8	70,7	85,2

В результате в 2000 г. расчетный уровень реального ВВП составил 62% от уровня 1989 г. [10], что существенно ниже значений соответствующего показателя не только для стран Вишеградской группы, но и стран Балтии.

В отличие от стран ЦВЕ приватизация в Российской Федерации преследовала прежде всего указанные выше политические цели и имела выраженную инсайдерскую направленность.

Наиболее полно и глубоко сущность, перипетии и результаты

приватизационных процессов в России раскрыты в работах В. Андреева и Е. Устюжаниной [11, 12]. Как отмечает В. Андреев, «российская приватизация началась – в форме теневого вывода ресурсов с государственных предприятий – еще до распада СССР. После ее легализации приватизация прошла через ряд этапов, на каждом из которых использовались особые методы изменения формы собственности: массовая приватизация; денежная приватизация, на смену которой пришли залоговые аукционы; после некоторого перерыва приватизация возобновилась в

«точечном» (case by case) режиме» Как видно из составленной В. Андреевым таблицы (см. табл. 4), почти все этапы приватизации в конечном счете были ориентированы на интересы бывших руководителей предприятий, чиновничества, партийно-комсомольских «вожачков» и фактически назначенных властью олигархов, в руках которых

оказались наиболее лакомые объекты сырьевых отраслей экономики. Автор статьи, профессор экономики Университета Париж 1 (Сорбонна), называет результаты такой приватизации «триумфом инсайдеров» и констатирует: «политика... оказалась главной движущей силой российской приватизации» [11, 57-58, 73].

Таблица 4. Стратегия российской приватизации (по В. Андрееву)

Этапы приватизации	Периоды	Основные методы	Выигравшие группы
Спонтанная приватизация	1987-1991 гг.	Вывод активов	Номенклатура, комсомол
Массовая приватизация	1992-1994 гг.	Раздача ваучеров	Инсайдеры (менеджеры и работники)
Денежная приватизация	1994-1997 гг.	Продажа и перепродажа активов	Аутсайдеры и некоторые инсайдеры (менеджеры)
Залоговые схемы	1995-1996 гг.	Мошенническая продажа банкам	Олигархи
Перерыв в приватизации	1997-2000 гг.	–	Олигархи
«Точечная» приватизация	2001 г. – настоящее время	Продажа активов	Олигархи, иностранные инвесторы, аутсайдеры

Законодательно-правовое обеспечение процессов приватизации государственности берет начало еще с конца 80-х годов, начиная с Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)», принятом в июне 1987 г. В июле 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», а в июне 1992 г. ввел в действие Государственную программу приватизации. В целях ускорения процессов приватизации дополнительно был издан ряд указов Президента, среди которых особое значение имел Указ №721 от 1 июля 1992 г. «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества». Согласно этому указу к июлю 1994 г.

было преобразовано в акционерные общества более 50% всех российских предприятий. В течение 1992-1993 гг. было издано 10 указов Президента, регламентирующих особенности акционирования отдельных предприятий наиболее важных отраслей промышленности. Наиболее скандальным был изданный в августе 1995 г. Указ Президента РФ №889 «О порядке передачи в 1995 г. в залог акций, находящихся в государственной собственности», на основании которого крупные банки по крайне низкой цене, фактически за государственные средства, получили в собственность наиболее перспективные предприятия, такие как «ЮКОС», «Сиданко», «Норникель», «Сибнефть» и другие, а «финансовые и банковские олигархи сделали решающий шаг от

финансового к настоящему господству» [12, 4-8; 11, 71].

Всего в период с 1992 по 2000 г. было принято свыше двух десятков законодательно-правовых актов, определивших стратегию и тактику приватизации на каждом из ее этапов и обеспечивших формирование рыночных институтов. Однако, как указывает В. Андреев, «приватизация началась значительно раньше принятия основной массы законов, требуемых для корректного функционирования рыночной экономики. Примечательно, что ведущие рыночные институты и законы, призванные уменьшить транзакционные издержки и управленческие затраты, были сформированы в России после завершения первой программы приватизации. А некоторые ключевые законы, а именно законы об акционерных обществах, о ценных бумагах, о банкротстве, о защите прав инвесторов на фондовом рынке, а также реформа судебной системы, были приняты парламентом даже после окончания залоговых аукционов. Эта последовательность действий глубоко ошибочна, так как реформа судебной системы и институциональные изменения строго комплементарны по отношению к приватизации. Они, в частности, обеспечивают защиту интересов инвесторов и тем самым облегчают финансирование деятельности фирмы» [11, 74-75].

От себя заметим, что российские реформаторы, вдохновляемые сугубо вышеуказанными политическими интересами, вовсе не ставили в тот период таких целей и задач.

Особое значение в процессе приватизации государственных предприятий, прежде всего в промышленности, имел массовый выбор акционерной формы собственности.

Именно она предоставила широкие возможности указанным группам инсайдеров для «легального» приобретения ими практически за бесценок большей части национального богатства России, причем без привлечения нового капитала в приватизированные предприятия. Не случайно еще в июне 1990 г. постановлением Совета Министров СССР было утверждено «Положение об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью», которое создавало возможность присвоения государственного имущества посредством его внесения в уставные фонды таких обществ [12, 6]. В декабре 1995 г. был принят федеральный Закон «Об акционерных обществах», редакция которого, действовавшая до января 2002 г., была прямо ориентирована на «выдавливание» из общества миноритарных акционеров [там же, 8]. При этом, как отмечает Е. Устюжанина, этот закон «наряду с возможностями перераспределения участия ... предоставлял лицам, контролирующим компанию, почти ничем не ограниченные возможности вывода активов общества» [там же, 10].

Анализируя сложившуюся практику функционирования акционерных обществ в современной России с позиций отечественного законодательно-правового поля и зарубежного опыта, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН О. Сухарев пишет: «Правовые нормы имеются, а экономические субъекты им не следуют, не выполняют, не пользуются этими нормами. Налицо дисфункция института акционерной собственности. Этот институт не функционирует так, как он изначально проектировался и как должен функционировать в соответствии с принятыми нормами... . Таким образом,

институт акционерной собственности в России превратился в институт, реализующий личные интересы отдельных собственников, теневых структур, не имеющих ничего общего с задачами государства и развития капитала, включая его акционерную форму как главное условие наращивания богатства и развития производства» [13, 29-30].

Врождение важнейших функций института акционерной собственности в России, их перерождение в формах, не свойственных классическому и современному капитализму, в том числе и переходной экономике в странах ЦВЕ, – далеко не единичный факт, присущий социально-экономическому укладу, сформированному в Российской Федерации в результате многолетних рыночных преобразований. Поэтому представляется вполне правомерным суждение о природе социально-экономического строя, сложившегося в России и в некоторых других странах СНГ, которое высказал известный российский ученый А. Бузгалин на основе обобщения наблюдаемых многочисленных фактов «аномалий» в функционировании важнейших институтов экономики: «В России (и многих других «постсоциалистических» странах) возник мутант позднего капитализма (полу-) периферийного, зависимого вида. Он может быть квалифицирован как патогенная мутация, так как его социально-экономическая форма ведет к регрессу (прежде всего с качественной точки зрения) производительных сил и человека (как родового существа), то есть реверсивному историческому движению социально-экономического времени.

Сложившийся в нашей стране организм *именно в силу мутации*, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России, но с другой (по тем же самым

причинам) – далек от траектории движения к относительно «чистому» виду позднего капитализма того или иного типа. Этот мутант может жить и даже самовоспроизводиться (правда, при условии перехода от псевдолиберальной к державно-патерналистской разновидности мутации). Более того, в стране с такой (разрушенной «реформами») технологической базой, такой (насквозь противоречивой и по преимуществу неформальной) институциональной системой, такой (номенклатурно-криминальной) властью, только такой строй – мутантный капитализм (сращенный с распавшимся полумутантом социализмом и добуржуазными отношениями) единственно и мог сложиться и обеспечить выживание. Этот строй является именно мутацией капитализма, поскольку он характеризуется реверсивным историческим движением, приводя к развитию, а не отмиранию добуржуазных и мутантно-социалистических форм, деградации и без того не слишком прогрессивных элементов (полу-) периферийного капитализма и вследствие этих причин – регрессу и производительных сил, и человека» [14, 112].

Анализируя другие особенности и результаты приватизации в России, следует отметить ее масштабы и динамизм процессов. Так, уже в 1991 г. перешли в частную собственность и были приватизированы 250 тыс. предприятий, а в 1994 г. – 891,5 тыс. Если в 1992 г. было приватизировано всего 18 крупных и средних предприятий, то в конце 1994 г. их насчитывалось 16,5 тыс. В 1994 г. только на аукционы были выставлены акции 20,3 тыс. акционерных обществ. В целом по состоянию на 01.07.1994 г. был приватизирован 41% всех предприятий страны [11, 63].

Этот процесс сопровождался массовой утратой предприятиями значительной части их капитализации. В. Андрефф отмечает: «В большинстве приватизированных фирм ваучер конвертировался в акции на сумму 20 дол., так что совокупная стоимость российской промышленности составила менее 12 млрд. дол., а это меньше капитализации одной американской крупной фирмы» [там же, 64]. В результате крайне низкая стоимость российских активов по сравнению с зарубежными аналогами превратилась в серьезную народнохозяйственную и политическую проблему [15, 60-61].

При этом собственность инсайдеров составила 65%, аутсайдеров – 21, государства – 13%. Но, благодаря продолжающемуся процессу передела

собственности и в результате осуществления денежного этапа приватизации, в последующие годы доля инсайдеров (особенно работников) в активах предприятий снижалась, а аутсайдеров росла. В 2000 г. в собственности крупных и средних приватизированных компаний России доля инсайдеров составила 30-35%, аутсайдеров – 50-55, государства – 10-12%. При этом, как отмечает автор, «нужно учитывать, что в число аутсайдеров иногда попадают менеджеры, но уже в качестве собственников учрежденных ими «внешних» компаний» [11, 64, 69].

В целом о динамике процессов приватизации в России и их эффективности можно судить по данным ЕБРР, приведенным в табл. 5.

Таблица 5. Основные показатели процессов трансформации экономики Российской Федерации в 1989-2000 гг., % [16]

Годы	Доля частного сектора в ВВП	Доля промышленности в общей занятости	Изменения в производительности труда в промышленности
1989	5,0	-	-
1990	5,0	-	-
1991	5,0	-	-
1992	25,0	29,6	-
1993	40,0	29,3	-11,9
1994	50,0	27,1	-11,4
1995	55,0	24,1	-12,2
1996	60,0	22,6	2,4
1997	70,0	21,7	8,7
1998	70,0	20,7	0,8
1999	70,0	22,4	10,2
2000	70,0	22,6	10,0

Примечание. Данные о доле частного сектора в занятости отсутствуют.

Анализируя приведенные данные, можно заключить, что темпы приватизации в Российской Федерации в период с 1992 по 2000 г. практически не уступали тем, что наблюдались в странах ЦВЕ. Если в Польше и Чехии доля промышленности в общей занятости росла, то в России эта доля снижалась,

причем темпы снижения были выше, чем в Венгрии, но сопоставимы с аналогичными показателями стран Балтии, особенно Латвии и Литвы. В определенной степени эти явления связаны с деиндустриализацией экономики России и названных двух прибалтийских стран.

Что же касается показателя динамики производительности труда в российской промышленности, то ее рост в 1996-2000 гг. не смог компенсировать резкого снижения в предыдущие годы, и в целом по этим показателям Россия уступала странам ЦВЕ.

Выводы

1. Рыночные реформы 1991-2000 гг. в Российской Федерации имели выраженный политический характер, особенно проявившийся в ходе приватизации государственной собственности.

2. Реформирование экономики с применением методов «шоковой терапии» и монетаристских методов вызвало глубочайшую депрессию, сопоставимую с «Великой депрессией» конца 1920-х-начала 1930-х годов в США.

3. Приватизация в Российской Федерации имела ярко выраженный инсайдерский характер и сопровождалась массовой утратой предприятиями значительной части их капитализации.

4. Массовый выбор акционерной формы в процессе приватизации государственных предприятий, прежде всего в промышленности, представил широкие возможности инсайдерам для легального приобретения ими практически за бесценок большей части национального богатства России, причем без привлечения нового капитала в приватизированные предприятия.

5. Анализ сложившейся практики функционирования акционерных обществ дал основание утверждать, что в России произошла дисфункция института акционерной собственности.

Литература

1. Ковалев И.Н. История экономики и экономических учений. Серия «Учебники, учебные пособия». – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 544 с.

2. Мировая экономика: Учебник / Под ред. проф. А.С. Булатова. – М.: Экономистъ, 2006. – 734 с.

3. Афанасьев В. Великие депрессии в США и России (опыт сравнительного анализа) // Экономист. – 2002. – № 3. – С. 80-85.

4. Вероникин А.О., Волошин Д.Н. Трансформационная экономика нынешней России и США периода «Великой депрессии». Модели экономической трансформации // США*Канада: Экономика, политика, культура. – 2003. – № 2. – С. 61-80.

5. Ослунд А. Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма // Вопросы экономики. – 2001. – № 7. – С. 115-138.

6. Рыночные реформы и положение малообеспеченных слоев населения в странах ЦВЕ и России // Экономика и управление в зарубежных странах (По материалам иностранной печати): Ежемесячный информационный бюллетень. – М.: ВИНТИ. – 2006. – № 8. – С. 17-26.

7. Сабуров Е., Чернявский А. Причины неплатежей в России // Вопросы экономики. – 2000. – № 6. – С. 55-69.

8. Хулиан И. Россия: Рост бартерных сделок в переходный период // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – №11. – С. 58-66.

9. Макаров В.Л., Клейнер Г.Р. Бартер в российской экономике: Особенности и тенденции переходного периода.- Центральный экономико-математический ин-т РАН, 1996. – 15 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cemi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/wp96006t.htm>.

10. European Bank of Reconstruction and Development. Annual report 1991-2007. Review and Financial Report. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://>

www.ebrd.com/pubs/general/series/ar.htm

11. Андрефф В. Российская приватизация: подходы и последствия // Вопросы экономики. – 2004. – № 6. – С. 57-78.

12. Устюжанина Е.В. Приватизация: Уроки истории // Экономика и математические методы. – 2006. – Т. 42. – № 3. – С. 3-15.

13. Сухарев О. Дисфункция акционерной собственности в России // Инвестиции в России. – 2008. – № 2. – С. 21-30.

14. Бузгалин А. Мутантный капитализм как продукт полураспада

мутантного социализма // Вопросы экономики. – 2000. – № 6. – С. 102-113.

15. Чернышев С. Технология рекапитализации // Эксперт. – 2005. – № 47. – С. 60-62.

16. European Bank of Reconstruction and Development. Annual report 1991- 2007. Structural Change indicators. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ebrd.com/country/sector/econo/stats/index.htm>.

17. Міжнародна інвестиційна діяльність: Підручник / Д.Г. Лук'яненко, Б.В. Гунський, О.М. Мозговий та ін.; За ред. д-ра екон. наук, проф. Д.Г. Лук'яненка. – К.: КНЕУ, 2003. – 387 с.